

Елизавета Дворецкая

Х век, Древняя Русь. Юная ладожанка Загляда могла бы соперничать красотой с самой богиней весны Лелей. И, чтобы жениться на ней, бедный викинг Снэульв должен бросить к ее ногам не только свое отважное сердце, но и богатую добычу. Однако судьбе было угодно, чтобы Загляда сама стала военным трофеем: на Ладогу напали враги. Неужели в числе захватчиков ее избранник?

НЕВЕСТА ВИКИНГА

Елизавета Дворецкая

НЕВЕСТА ВИКИНГА

ISBN серии

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5600-2

ISBN 978-617-12-7943-8

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Елизавета Дворецкая

Невеста викингя

РОМАН

ХАРЬКОВ 2020 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

В оформлении обложки использовано фото работы
Yulia Maizlish

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-7943-8

© Дворецкая Е., 2018
© DepositPhotos.com / valio-84sl, Sofia_Zhuravets, обложка, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Пролог

Новгород, 997 год

Незадолго до сумерек Вышеслав выбрался на крыльцо подышать. Отец, князь Владимир Святославич, с самого утра принимал словенских бояр, собравшихся идти на чудь вместе с его киевской ратью. Гридницу наполняли гул голосов, звон оружия и чаш, новгородцы клялись князю в верности, обещали не посрамить его в походе, хвалились доблестью предков. Сновали холопы, таскали блюда и корчаги, катали бочонки. Даже медведь ревел, приведенный каким-то рыжим посадским для забавы князя и дружины. Несмотря на широкие окна, в гриднице висела духота, так что под вечер у Вышеслава уже шумело в ушах и стены, увешанные яркими щитами, покачивались перед взором. Все это было знакомо и нудно: пиров он за свои восемнадцать лет наглядился достаточно и его гораздо больше занимал предстоящий поход. Как старшему Владимирову сыну, Вышеславу раньше других братьев предстояло принять на плечи свою долю трудов. С тех пор как ему исполнилось двенадцать, он уже не раз сопровождал отца в ближних и дальних походах: бывал и в хорватской земле, и у болгар, не раз участвовал в столкновениях с печенегами. Но так далеко на север он, родившийся за Варяжским морем и покинувший те края в возрасте всего лишь полутора лет, еще не забирался, и теперь его томили любопытство и нетерпение. Скорее бы в поход!

На дворе тоже былолюдно и шумно. Возле коновязи не оставалось свободного местечка, застоявшиеся лошади топтались на месте, чужие жеребцы злобно ржали друг на друга. Боярские отроки сидели прямо на земле, между княжьими хоромами и дружинными избами расхаживали словенские и киевские гриди. Многие покачивались на неверных ногах после долгого пира, где-то тянули песню, кто с полянским, кто со словенским выговором. Но все же здесь было посвежее, душная муть в глазах растаяла. Вышеслав спустился с высокого крыльца, придерживаясь за пузатый резной столб, и побрел к дружинной избе.

Между клетями распорядился один из тиунов, совсем охрипший за день и отбивший ладони о затылки и загривки бестолковых холопов. До ночи было еще далеко, княжеских гостей надлежало угощать. С заднего двора с клубами дыма доносился запах горелой щетины — видно, опаливали свинью. Челядинцы волокли резать упирающегося барана, двое других катили бочонок.

Из погреба поднялась молоденькая девушка. Обеими руками она прижимала к груди большую корчагу киевской работы, с узким горлом и двумя большими ручками, и смотрела под ноги, боясь, видимо, наступить на подол. Вышеслав остановился: впервые за этот бесконечный утомительный день он увидел что-то приятное. Утром в гриднице он заметил вокруг княгини Малфриды нескольких дочерей новгородских бояр; они были разряжены в заморские шелка, убраны золотом из Византии и серебром из варяжских земель, но ни одна ему не понравилась. Он их и разглядеть-то толком не смог в шуме и толкотне. А эта девушка, как луговая ромашка, как молодая березка со свежей листвой — стройная, легкая, ловкая даже с неудобной тяжелой корчагой в руках, — показалась ему тем глотком свежего воздуха, которого он так жаждал.

Глядя под ноги, девушка не видела, куда идет, и едва не натолкнулась на Вышеслава. Охнув и крепче прижав

к груди свое тяжелое сокровище, она отпрянула и вскинула глаза на парня.

— Ах, мати Макоше! — воскликнула она и встряхнула головой, стараясь отбросить с лица тонкие прядки светло-русых волос. Легкие кудряшки вились у нее на висках, надо лбом, на шее, прихотливо выбивались из длинной толстой косы. — Вот непутевый! — упрекнула она Вышеслава. — Что стал на дороге? Или тебе в хорамах места мало?

Раньше словенский выговор, выдававший родство здешних жителей с чудью, смешил выросшего на Киевщине Вышеслава, но в устах девушки показался не смешным, а милым и красивым, будто песня. Не ответив, он посмотрел ей в лицо. Казалось, ничего особенного в ней нет, во всех славянских племенах живут такие девушки: сероглазые, темнобровые, румяные. Но от ее лица с немного вздернутым носиком веяло чем-то родным, приветливым, и, даже сердясь, она была хороша, словно сама богиня Леля.

— Что, совсем хмельной, с места сойти не можешь? — с сочувственным упреком спросила девушка. — Дотемна будешь стоять? Ну, стой, коли делать больше нечего.

Она хотела обойти Вышеслава, но он шагнул к ней, заступая дорогу.

— Давай донесу — уронишь, — предложил он, протягивая руки к корчаге.

Но девушка отстранилась.

— Не хвораю, сама управлюсь! — строго сказала она. Видно, он был тут не первым. — Без помогальщиков обойдусь. Пусти!

— Экая ты сердитая! — Вышеслав улыбнулся. — Да не бойся, коли тиун забранится, я вступлюсь. Чья же ты? Здешняя?

— За меня и без тебя есть кому вступиться! Дай пройти, ждут меня!

Но Вышеслав не давал ей дороги. Чем больше он смотрел на нее, тем больше она ему нравилась, но тем больше он

удивлялся. Заметив поначалу только небеленую, простенько вышитую по вороту рубаху и корчагу в руках, он решил было, что девушка из здешней челяди. Но теперь он разглядел, что руки ее белы и нежны, а на запястьях блестят гладкие браслеты из серебра. На груди ее, загороженной ручками корчаги, Вышеслав заметил ожерелье из крупных медово-рыжих сердоликов с пятью подвесками из полновесных дирхемов. Для рабы убор дороговат — ее саму можно за него купить.

— Мы тут три дня уже, что ж я тебя раньше не видал? — расспрашивал княжич. — Ты здешняя? Чья ты дочь?

— Так и не увидишь меня больше — и вам скоро уходить, и мне тоже! — отговаривалась девушка, все поглядывая через плечо Вышеслава на крыльцо. — Не здешняя я, из Ладogi, на днях меня отец домой увезет.

— Как тебя звать?

— Кто зовет, тот и знает, а ты много будешь знать — скоро состаришься. Дай пройти, не до зари же мне стоять здесь с тобой! Ты зачем в Новгород-то шел, с чудью биться или на девиц глядеть?

— Да посмотри же ты на меня! — выведенный из терпения отговорками, потребовал Вышеслав и хотел взять ее за плечи, чтобы она перестала пятиться от него прочь.

И своего он добился — девушка вскинула глаза. Видно, она не привыкла к такому вольному обращению — прямо как боярышня. Но какая же боярышня сама потащит из погреба корчагу? Может, она дочка здешнего тиуна? Но, по правде сказать, сейчас Вышеславу было все равно, кто она такая. Он знал только то, что девушки милее он не видел за все восемнадцать лет своей жизни.

— Ждут же меня в палате... — повторила она.

— Да погоди, успеешь! — убеждал ее Вышеслав, торопясь, пока она опять не отвела глаза, из которых на него смотрела голубизна небес. — Не сердись на меня, мне же скоро

в поход идти, един Бог знает, ворочусь ли. Ты бы не бранилась, а ласковым словом меня проводила.

— Неужто тебя проводить некому? — уже без возмущения, с пробудившимся сочувствием спросила девушка.

Лицо ее смягчилось, и Вышеславу было так радостно смотреть на нее, словно солнце светило ему в душу. Он снова взялся за корчагу, и на этот раз девушка отдала ее без сопротивления. Вышеслав поставил корчагу возле ног и улыбнулся, разгибаясь, — теперь-то не убежит.

— Нету у меня ни невесты, ни сестры, а мать... мать есть, да не знаю, какого еще слова дождусь от нее! — вдруг с горечью закончил Вышеслав. Ни с кем он не говорил об этом, но этой девушке, к его собственному удивлению, захотелось доверить все.

— Ласковых речей я не знаю, а хочешь, я тебе заговор скажу? — предложила она. — Вот слушай: была я поутру в чистом поле, на зелену лугу, а во зелену лугу есть зелия могучие, а в них сила видима-невидима. Сорвала я три былинки: белую, черную, красную...

С этими словами она подняла руку, вытащила засунутую стебельком за ленту на виске белую головку кашки, приувядшую за день, и подала Вышеславу. Вместе с цветком он хотел взять и ее руку, но девушка улыбнулась и отняла у него свои тонкие пальцы.

— Красная былинка принесет тебе меч-кладенец, черная былинка достанет уздечку бранную, белая былинка отопрет тул с каленой стрелой, — нараспев продолжала она, и слова воинского заговора оплетали сердце Вышеслава крепче самой умелой любовной ворожбы. — С тем мечом отобьешь силу чудскую, с той уздечкой укротишь коня ярого, с каленой стрелой разобьешь врага лютого. Заговариваю я ратного человека... Как тебя звать?

— Вышеслав, — не подумав, ответил он и тут же спохватился.

Но поздно — девушка услышала. Звучное княжеское имя обрушилось на нее, как удар, она отшатнулась, на лице ее мгновенно появились растерянность и даже испуг. Она была не готова к тому, что случайно встреченный во дворе парень из киевской рати окажется сыном самого князя, старшим княжичем! Смущенным взглядом она скользила по правильным чертам его лица, по светло-серебристым волосам с красивыми кудряшками на концах, голубым глазам и удивлялась, что не догадалась сразу — ведь ей рассказывали про него!

— Вышеслав... — оторопело повторила она. — Владимирович...

Верно, он, иначе откуда бы у такого молодого пояса весь в серебре, гривна на шее и сапоги в будний день из красного сафьяна... Любая дурочка догадается!

— Да, так чего ты? Не бойся ты меня! — Вышеслав улыбнулся, желая ее подбодрить, и хотел взять за руку.

Но девушка отшатнулась, как от огня, скинула рукав к лицу.

— Ой, мати Макоше! Хлина-богиня! — шептала она.

Вышеслав отметил краешком сознания, что она поминает варяжскую богиню-охранительницу Хлину, и удивился, но сейчас ему было некогда думать об этом.

— Да что же ты? — в досаде воскликнул он. — Что за беда такая? Ежели я княжич, так что, зверь лесной? Укушу?

Вышеслав протянул к ней руки, но девушка вдруг, словно опомнившись, повернулась и бросилась бежать, мгновенно смешалась с толпой суетящейся челяди и исчезла где-то между клетями. Вышеслав шагнул было за ней, но остановился. Что толку гнаться, если она и разговаривать не хочет?

«Вот батюшкина слава! — с досадой подумал он и плюнул на землю. Впервые в жизни ему пришлось пожалеть о том, что он доводится родным сыном князю Владимиру и наследует как его добрую, так и дурную славу. — Вроде не кривой, не рябой, а девки пуше огня боятся!»

Махнув рукой, Вышеслав повернулся и хотел идти назад к крыльцу. За воротами послышался дробный топот, громко раздающийся по бревенчатой мостовой. Еще какой-то боярин, боясь опоздать в поход, мчался к князю. Видно, к меду и пиву боится не поспеть, — а как до похода дело дойдет, всех ли соберешь?

Но во двор въехали всего три всадника. Кони их едва держались на ногах, на плащах и сапогах осела густая, тяжелая пыль. Глянув на того, что первым соскочил с седла, Вышеслав насторожился, забыл даже о девушке. Этого гридя он знал — тот служил в дружине Путяты, оставшегося посадником в Киеве на время отсутствия князя. Неспроста он появился здесь, в Новгороде, на другом конце Русской земли. Бросив коня, ни на кого не глядя, киевлянин устремился к крыльцу. Вышеслав поспешил за ним.

В гриднице было так же душно и шумно, раздавались полные хмельной удали заверения в верности, висели запахи жареного мяса и пива. Киевлянин, расталкивая всех, пробрался вперед, оставляя следы дорожной пыли со своего плаща на одежде княжеских гостей. Все оборачивались, бранились, пытались отвечать ему на толчки, но он ни на что не обращал внимания, пробиваясь к высокому княжескому столу, где сидел сам Владимир.

Лицо князя порозовело от выпитого меда, в руке был большой заздравный рог, окованный позолоченным серебром. Но хмель над ним не имел большой власти — глаза его смотрели ясно. Он еще от порога палаты приметил Путятиного кметя, и между бровей его появилась маленькая тревожная морщинка.

— К тебе я, княже, от Путяты! — выдохнул киевлянин, кланясь возле самых ступенек княжеского стола. — С вестью!

— Погоди, сокол, выпей сперва! — остановил его Владимир, и отрок мгновенно подал киевлянину чашу с пивом. — Сколько ты с вестью скакал — успеешь рассказать.

Киевлянин благодарно кивнул и взял чашу, поднес ее ко рту. Другой рукой он в это время шарил у себя на шее, под воротом рубахи. Разыскав ремешок под плащом и рубахой, он вытащил кожаный мешочек, стянул его через голову, оставил опустевшую чашу и протянул мешочек князю.

— От Путяты — тебе.

Князь взял мешочек и принялся его развязывать, а киевлянин оглянулся на отрока — тот уже снова налил ему пива. Князь вынул скрученный свиточек бересты не больше пальца, осторожно развернул его, поднес к свету и стал разбирать, хмуря брови, неровно процарапанные буквы.

«От Путяты-посадника — князю Владимиру, — не прочитал, а скорее узнал он первую строчку, выведенную знакомой рукой Путятиного ларника, и поспешно скользнул взглядом к следующей. — Как ты ушел с войском, на десятый день пришли печенеги ордой неисчислимой и Белгород обложили, хотят измором брать. Белгородцы тебе бьют челом, помощи просят».

На этом послание кончалось — Путята не просил князя возвращаться и не спрашивал, что делать. Оба они одинаково хорошо знали свои ратные дела. Владимир Святославич опустил руку с зажатой в кулаке свернувшейся берестой. Еще бы белгородцам не просить помощи — две трети белгородской дружины пришли с ним сюда. Лучшие полки Киева, Переяславля, Чернигова, Овруча он увел на чужь. И случилось то, чего он боялся, — печенеги узнали о его уходе и решили воспользоваться беззащитностью Киевщины. Но и поступить иначе Владимир не мог — ему как воздух нужна была чуждая дань, чтобы появились средства строить сторожевые города в той же Киевщине, снаряжать и содержать многочисленные дружины. Он уводил оттуда рати, прекрасно сознавая опасность, но другого выхода у него не было.

Гридница затихла. Сначала киевляне, внимательно следившие за своим Солнышком, а потом и словены заметили,

как с лица князя исчезло веселье. Услышав тишину, Владимир выпрямился и крепче сжал бересту в руке, так что высохшие острые краешки впились в ладонь.

— Братья и дружина! — заговорил Владимир, и голос его звучал ясно и твердо. — Много врагов у нас, что с полуночи, что с полудня. Узнали печенеги, что я с войском здесь, и обложили Белгород осадой. Люд белгородский и киевский подмоги просит.

По гриднице прокатился гул, кмети из белгородской дружины вскочили с мест. Они-то хорошо знали, о чем говорит князь, и каждый подумал о своей семье, которой грозит опасность — смерть или рабство. А они, мужья, отцы и защитники, слишком далеко и не могут помочь.

— Что скажете, други мои и воеводы? — спросил князь, уже зная, чего хочет он сам. — Покинем ли город-щит киевский? Покинем ли мать городов на разоренье?

Первыми заговорили воеводы, потом закричали и простые кмети из дружин нижних земель: защитить родную землю было важнее, чем покорить чужую. Только Ратибор молчал.

— А ты что скажешь? — Владимир повернулся к своему первому советчику.

— Я вот что скажу, хоть и не всем по нраву, — решитель-но заговорил воевода. — Князь с войском не заяц, чтоб туда-сюда бегать. Мы на чужь не первый год собираемся и не первый раз идем. В прошлом году ходили, да дело не доделали. В этот пришли — коли опять ни с чем уйдем, так над нами в лесу последний чудин смеяться будет. Дескать, князь киевский только на словах грозен, а на деле горазд за столом с пирами воевать.

Люди в гриднице возмущенно гудели, но Владимир молчал, и Ратибор продолжал, не обращая внимания на общее недовольство. Немного находилось людей, способных говорить против всей дружины, но Ратибор был из них. Без него и Владимир, может быть, никогда не стал бы киевским князем.

— Стены у Белгорода высокие да крепкие — птица не всякая перелетит, а стрела и подавно, — продолжал воевода. — И у Киева стены не хуже. Пусть печенеги стоят, сами же раньше уморятся. А мы сейчас всей силой чужь разобьем и тогда уж вернемся, как надо по орде ударим. Тогда они и дороге к нам позабудут.

Тряхнув кулаком, Ратибор опустил на место — он свое сказал. Сын его, Ведислав, сидевший за столом с Владимировыми детьми, побледнел после отцовской речи, хотя внешне остался невозмутим. В белгородской дружине служил его побратим, а в Киеве остались мать и молодая жена, которой за время этого похода как раз подходил срок родить. И в мирное время тяжело оставить семью в такую пору. А знать, что им грозит печенежский набег, — нет хуже. Но Ведислав молчал — по большому счету он признавал правоту отца. Вступая в дружину, человек быстро приучался ставить дружинные и княжьи дела выше своих родовых, ибо князь теперь был его отцом, а дружина — братьями и родом. Кто так не мог, здесь не задерживался.

— Выслушал я вас, други мои, — заговорил Владимир, немного выждав. — И вот что мне думается. И вы правы, и Ратибор прав. И Киевщину без помощи оставить нельзя, и в чуди дело оставить недоконченное зазорно. Потому надлежит нам одною частью дружины назад, на печенегов воротиться, а смоленские и новгородские рати на чужь пойдут. И вместо себя оставляю я в Новгороде княжить сына моего Вышеслава. Ему я доверяю быть сему походу главою. Говорите, мужи новгородские, люб ли вам князь Вышеслав?

В гриднице ненадолго повисла тишина. Вышеслав, потрясенный не меньше других, шагнул вперед от порога, где стоял, войдя вслед за Путятиным посланцем. Многие десятки глаз устремились к нему, а он побледнел, глубоко дыша, взволнованный таким неожиданным поворотом. Для него не было тайной, что после смерти Добрыни Новгороду ну-

жен новый посадник, а может, и князь. Как старший сын Владимира, он понимал, что новгородский стол должен достать ему. Но прямо сейчас, и так неожиданно!

— Нам люб твой старший сын, княже, — заговорил самый родовитый из новгородцев, боярин Столпосвет. — Да мы сами не можем дело решить. Надобно вече созывать и у всего люда новгородского спрашивать. А мы свое слово скажем. Нам князь Вышеслав люб.

Опомнившись, новгородцы одобрительно загудели. Молодой удалый княжич Вышеслав нравился им еще и тем, что после сурового и властного Добрыни новгородская знать надеялась при нем получить гораздо больше воли. Вышеслав перевел дух, обрадовался — все-таки зваться князем и быть самому себе хозяином не в пример веселее, чем жить при отце. Он ведь уже не дитя!

Повернув голову, он нашел взглядом мать, сидевшую рядом с князем. Лицо княгини Малфриды оставалось спокойным и величавым, и Вышеслав не понял, довольна она или нет. Поймав его взгляд, княгиня чуть-чуть улыбнулась и слегка наклонила голову. Вышеслав хотел улыбнуться ей в ответ, и вдруг его словно обожгло что-то. Двоюродный родич, Коснятин Добрынич, смотрел на него с такой ненавистью, что Вышеслав был поражен его взглядом, как громом. «За что? Что я ему сделал?» — изумился он. За проведенное в Новгороде время Вышеслав не только не успел поссориться, но даже толком поговорить со старшим сыном Добрыни. Посмотрев на мать, он заметил, что лицо ее посуровело и замкнулось, — она тоже глядела на Коснятина. И Вышеслав понял: тот унаследовал властолюбие отца и сам метил на место посадника. И он мог бы его получить как родич князя и сын прежнего посадника, не будь у Владимира столько сыновей.

— А нам не нужно никого спрашивать! — среди возбужденного гудения гридницы раздался громкий уверенный голос.

Произносящий слова на варяжский лад сотник княгининой дружины Ингольв Трудный Гость встал и поднял рог с медом. Высокий, широкоплечий, он казался живым воплощением уверенности и силы. На груди его блестела витая серебряная гривна, длинные светлые волосы были зачесаны назад, за уши, а лоб украшала шелковая лента с полоской золотой парчи. Вышеслав уже знал, что этот человек, сидящий на таком высоком месте, служит главной опорой княгини Малфриды.

— Все мои люди сейчас же готовы дать клятву верности сыну Вальдамара и Мальфрид, потомку русских и свейских князей! Пусть все боги и единый Бог будут послухи нашей клятвы! — громко продолжал Ингольв. — Как мы служили твоему отцу, так мы будем служить и тебе, конунг Висислейв! Я говорю это от имени всех северных людей!

И вся варяжская дружина княгини Малфриды как один человек в ответ на слова своего предводителя ударила чашами по столу — в застолье это заменяло принятый у них звон оружия, служивший знаком согласия.

— Да славен будет князь Вышеслав! Конунг Висислейв! — на разные голоса кричали они.

Княгиня улыбалась, довольная честью, которую оказывают ее сыну. Вот и она наконец дождалась дня, о котором столько мечтала, живя в Новгороде без мужа и сына, брошенная, забытая. Эти дни миновали, теперь она не одна из прежних княжеских жен — она мать конунга.

Вышеславу было приятно впервые в жизни слушать княжескую славу себе. Он поднял голову, расправил плечи, дышал глубоко, на щеках его загорелся румянец. Только память о ненавидящем взгляде Коснятина покалывала в глубине души, но сейчас он не хотел об этом думать. Впереди его ждал княжеский стол и первый самостоятельный поход — на чудь.

Глава 1

Ветер гнал по поверхности Волхова мелкую рябь, похожую на чешую, — так и казалось, что огромный змей, медленно извиваясь, ползет на полуночь меж зеленых холмистых берегов. Это и есть тот самый Ящер, которому веками поклоняются словены. Он лежит глубоко на дне, но придет час его гнева — и он взметнется на поверхность, мутя и взрывая воды реки, требуя жертвы...

Весь длинный пологий берег Гостиного Поля был усеян приставшими ладьями, дальние даже не удавалось рассмотреть. В стороне от воды блестели неяркие огоньки костров, поднимались дымки, ветерок тянул запахи рыбных похлебок и каши. Здесь обязательно останавливались все ладьи, шедшие вверх по Волхову — в Новгород и вниз — в Ладогу. Пока хозяева занимались делами, их гребцы и дружины отдыхали, ели, иные уже спали прямо на земле возле костров.

Загляда вздохнула, подумав, что здесь им не миновать остановки, и надолго. Пока найдут порожского кормщика и сговорятся об уплате, пока он соберет свою дружину, пока мытник осмотрит обе ладьи и возьмет что положено, как бы темнеть не начало. Купеческая дочь, она слишком хорошо знала весь установленный порядок, чтобы надеяться быстро пройти Гостиное Поле. Но двум ладьям Милуты было бы слишком досадно ночевать здесь, когда до дома оставалось всего ничего, почти рукой подать. Загляде казалось, что сам Волхов остановился и несет их еле-еле, а ей хотелось скорее домой, в Ладогу! Никогда раньше она не отлучалась от своих чуров так далеко, и двухмесячное путешествие в Новгород

показалось ей слишком долгим и утомительным. Предстояла последняя стоянка, у Гостиного Поля, и Загляда с удовольствием думала о том, что следующую ночь она наконец-то проведет дома, а не в чужой клетке, не на дне струга и не на жесткой кошке возле костра.

— Вон туда! Через три ладьи пустое место есть! — Стоявший на носу струга Спех махнул рукой. — Вон, вон, где с конской головой!

— Да вижу, вижу! — Милута кивнул и обернулся к кормчему: — Давай туда. Ежели потеснимся, то и вдвоем встанем. Эко сколько народу собралось!

Оба ладожских струга причалили, гребцы привязали канаты к стойкам, вбитым в берег. Проголодавшийся Спех, не теряя времени, принялся разводить костер. Но хозяин оторвал его от этого многообещающего занятия и послал в городище искать порожского кормщика.

— Да хоть поедим сперва! — обиженно ворчал парень. В отличие от хозяйской дочери, он вовсе не спешил домой. — Сам кормщик, поди, за столом сидит!

— Покуда дойдешь, он как раз встанет! — по-хозяйски заверил его Милута. — Ступай да скажи, чтоб сюда шел. Нам тянуть нечего, ночевать дома будем. А за кашей Загляда присмотрит!

Успокоенный этим обещанием, парень пошел искать лодку для переправы на тот берег, где стояло городище Порог. Загляда слезла с бочки, на которой сидела во время плавания, и позвала холопа, чтоб перенес на берег. Вода в Волхове была прохладная, и ей не хотелось мочить ног.

Пока она хлопотала возле железного котла, из городища явился мытник. Порожский мытник Прелеп хорошо знал Милуту, уже много лет ходившего с товарами мимо Гостиного Поля вверх и вниз по Волхову, и с делом покончил быстро — переглядел весь товар, помечая писалом на берестяном свитке, высчитал, сколько мыта нужно взять, старательно взвесил

серебро на бронзовых весах. Растолченный ячмень еще побулькивал в котле, а купец и мытник уже покончили с делами и теперь беседовали.

— Как там в Новгороде дела? — спрашивал Прелеп. — Князя-то не видали?

— Видали и князя, — спокойно, с видом человека, которого ничем не удивишь, отвечал Милута. — Мы же у Недремана стояли. Не помнишь Недремана? Мы с ним одной дружиной, бывало, хаживали, покуда он не разорился на варягах проклятых и Добрыне не запродался.

— Да, вот судьба злая! — Мытник согласно закивал. — Жил человек не тужил, а тут разом и лады, и товара лишился, да и сам едва неволи миновал.

— Вот, так теперь он на новгородском княжьем дворе в ключниках и нас на постой пускает по старой дружбе. И видали мы князя, и говорили с ним. Ничего, больше положенного не заносится, уважает.

— Да уж не ему заноситься! — Мытник насмешливо прищурился. — Родом-то он, говорят...

— Да ладно тебе, дядька Прелеп, род его считать! — вмешалась Загляда, вынув из котла ложку. Разговор отца и мытника занимал ее больше, чем хотелось показать, и тут она не сумела смолчать. — Не по роду надо смотреть, а по делам! А делами он рода отцовского не посрамил! Ведь он словенского, Гостомыслова рода!

Мытник с некоторым удивлением выслушал ее горячую речь, а Милута усмехнулся, провел рукой по усам.

— Дочь-то моя... — обратился он к мытнику, не зная, говорить ли. Однако дружба к давнему знакомцу победила, и купец продолжил: — Дочь-то моя в Новгороде часа не пустила, с самим княжичем дружбу свела!

— Да ну тебе, батюшка! — смущенно и обиженно воскликнула Загляда, и щеки ее зарозовели ярче. — Всего-то раз поговорила... И я не хотела вовсе, он сам подошел!

— Что за княжич-то? — удивленно спрашивал Прелеп, поглядывая то на девушку, то на Милуту.

— Да старший, Вышеслав. Молодец хоть куда, девятнадцатый год идет. И собой хорош, и удал! — смеялся Милута.

Смущенная Загляда бросила ложку на камень возле костра и убежала к ладьям, встала на плоский валун и принялась полоскать ладони в воде, не оглядываясь.

— Правда ли, что он на чужь походом идет? — снова стал расспрашивать Милуту мытник.

— Хотел идти, да, знать, не судьба. Гонец к нему с Днепра прискакал, из самого Киева. Сказал, пока князь здесь, на Киевщину печенегу пришли и Белгород обложили, измором хотят брать. А от Белгорода до Киева всего ничего, едва двадцать верст!

— Вот напасть! — Мытник сочувственно покачал головой, а потом вздохнул с тайным облегчением. Этой-то напасти, печенегов, о которых столько говорят киевские, черниговские, переяславльские торговые гости, словены не знают. Слава Велесу!

— Да и нам напастей не занимать! — К ним подошел старый Осеня, давний товарищ и спутник Милуты. Он уже был сед и ходил, опираясь на клюку, но бросать дела и садиться дома возле печи не собирался. Да и скучал он дома — не ждали его возле очага ни жена, ни дети, ни внуки. — Как тут у нас-то, про Ерика не слышно ли новых вестей?

— А вы бодрических гостей слыхали? Вермунда Велиградского? Возле Гот-острова опять видали Ерика. Вермунд сам как до Ладоги целый добрался, так не знал, какому богу скотину резать.

— Неужто в прошлый год не наградился? — Осеня гневно мотнул седой головой и стукнул концом клюки в прибрежный песок. — Хоть бы князь тамошний взялся, унял его. А то какой же дурак через море пойдет, чтоб и без товара, и без головы остаться?! Или ему от этого выгода?

— Вон Спех возвращается, — подала голос Загляда, заметив на Волхове маленькую лодочку-долбленку, плывшую к корабельной стоянке от городища.

Греб в ней рослый широкоплечий парень в серой рубахе, с ремешком на темно-русых волосах. За спиной его пристроилась, крепко вцепившись в борта долбленки, растрепанная девчонка лет двенадцати.

Сам Спех, в белой рубахе с красным поясом, похожий на петуха на заборе, сидел на носу и показывал вперед, словно без него не догадались бы, куда плыть. Порожский парень старательно налегал на весла, его могучие плечи напрягались под серым холстом рубашки. Спокойный и ровный на вид, Волхов в нижнем течении был очень силен и мог далеко снести легкую лодочку.

— А чего ты девку-то с собой в Новгород потащил? — понизив голос, спросил мытник у Милуты и глазами показал на Загляду. — Я вас, как туда-то плыли, не видал, а мне уж сын сказал, что и девку твою на ладье видел. Я сам не поверил, думал, привиделось парню.

Милута вздохнул, погладил густую рыжеватую бороду.

— Да ведь я в начале весны жену схоронил, — выговорил он наконец, и мытник снова закивал, выражая сочувствие, — а боле-то у меня из родни никого нету. Не хотел дочку одну бросать. Взял вот до Новгорода — дорога невелика, может, развеется. А то все плакала, плакала...

— Развеется, как же не развеется, — доброжелательно заверил мытник, снова поглядев на девушку. — Да ведь ей замуж пора — отдашь, вот и развеется. Внучков понянчишь... Присмотрел, поди, уже кого?

Загляда тем временем сменила гнев на милость, вернулась к костру и сосредоточенно дула на деревянную ложку, зачерпнув каши из котла. От близости огня ее щеки ярко румянились, русая коса золотисто поблескивала. Она казалась спокойной и свежей, как и положено быть девице шестнадцати

лет, дочери состоятельного торгового человека, не знающей ни в чем нужды.

Тем временем Спех со своими спутниками выбрался из долбленки на берег.

— Нашел я кормщика! — подходя, бодро закричал парень еще издалека. — Ты, батюшка, как в воду глядел — как раз из-за стола встали!

— Эх он тебя батюшкой величает! — Мытник усмехнулся и, подмигнув Милуте, вопросительно кивнул на Загляду.

— Кот Баюн ему батюшка! — Милута в негодовании отмахнулся, но сам не сдержал усмешки. — Его бы заставить языком грести — ладья бы быстрее ветра побежала!

Спеха прозвали Спехом за неизменное везение, сопутствующее ему с колыбели все семнадцать лет его жизни. «Коли упадет, так на мягкое! — приговаривала его мать. — Ему бы лени поменее, так ладно бы жизнь прожил. А ведь не мыслит, что удача-то — одно дело, а счастье — иное!» Но Спех не слушал попреков и верил в свою добрую судьбу. Мать Макошь сотворила его невысоким, но наделила широкой грудью, крепкой шеей и сильными руками. Черты его лица были нерезкими, мягкий нос покрывали золотистые веснушки, между нижней губой и округлым подбородком виднелась ямочка. Светло-рыжие, как жидкий мед, волосы рассыпались по лбу, а серо-желтоватые глаза блестели живо и весело. Нрав у него был живой, любопытный, легкомысленный, но честностью и преданностью парень заслужил доверие хозяина.

Плечистый парень-кормщик подошел к Милуте, а Спех направился прямо к Загляде.

— Готова каша? — деловито спросил он, вытаскивая из-за оборов деревянную ложку, завернутую в серую холстинку.

— Не лезь, не готова еще! — Загляда замахнулась на него своей ложкой, и Спех отпрянул от котла, в который уже было сунулся. — Потерпишь!

Ловко уклонившись, Спех принялся размашисто вытирать лицо рукавом.

— Ух, чуть не весь город обегал, покуда кормщика сыскал! — пожаловался он хозяйской дочери, преувеличенно тяжело дыша. — Ух и уморился — чуть жив! Не веришь? — обиженно спросил он, увидев улыбку на лице Загляды.

Прочие Милутины спутники, сидевшие вокруг костра в ожидании каши, тоже заулыбались.

Девушка покачала головой. Она знала, что Спех — великий искусник притворяться, но не могла сдержать улыбки в ожидании чего-то забавного.

— А и городишко-то махонький! — вдруг с легкостью сознался Спех и стал дышать обыкновенно. — Всего-то три улочки, да и те... У нас в Полоцке один гончарный конец и то больше!

— А ты уже и по дому стосковался? — с насмешкой спросила Загляда, прекрасно знавшая, что уж кто-кто, а Спех ничего важного дома не забыл.

— Ой стосковался! — закрыв глаза, страдальчески затянул Спех. — Вот как сплю, так и вижу: сижу я за кругом да горшок верчу, такой большой-большой, а братец глину месит. А батя еще волокушу волокет да ласково так приговаривает: «Работайте лучше, суслики ленивые, кормить не буду!»

Загляда фыркнула, прикусила губу, но все же не выдержала и рассмеялась, представляя этот домашний уют, от которого Спех сбегал в дружину ее отца. Спех пристал к Милуте в его прошлогоднюю полоцкую поездку и до сих пор отчаянно смешил Загляду своим кривичским выговором. Гончар легко отпустил сынка, «потому как дома от него толку нет, только и знает, что языком трепать».

Девчонка, прибежавшая из городища с кормщиком, подобралась к ним поближе и с любопытством слушала их разговор. Загляда заметила ее и призывно махнула ложкой:

— Поди сюда! Ты чья будешь?

— Я Веретенева! — Без робости подойдя, девочка показала на кормщика, который в стороне разговаривал с Милутой. — Сестра я ему. Меня Лаской звать. Я с вами через пороги пойду. Я тоже все пороги знаю, и какие ладьи бывают, и как они плавают!

— Да ну! — насмешливо воскликнул Спех. — Как же ты такой премудрости научилась?

— А я с тех пор, как маманя с батяней померли, всегда с Веретенем хожу, — просто объяснила девочка. — Он меня одну дома бросать боится, как через пороги ходит, так и берет с собой.

Глаза Загляды налились слезами: слова девочки о смерти родителей разбудили ее собственное, едва задремавшее некрепким чутким сном горе.

— А вот сейчас и проверим! — поспешно заявил Спех, топясь отвлечь ее, и указал на реку. — Вон там что за ладья пошла? Нас не проведешь, на хромой козе не объедешь, мы сами с усами!

— Да где же у вас усы? — Давясь от смеха, девчонка смотрела то на Загляду, то на Спеха, а потом повернулась к реке.

Одна из ладей, стоявшая ниже их по кромке Гостиного Поля, отделилась от берега, и десять пар весел стали выгребать на середину Волхова.

— Варяги, — определила Ласка, бросив быстрый взгляд на ладью. — А струг у них ладожской работы, новый совсем. Они снизу пришли. Я их у мытника двора видала только что.

— Еще бы не ладожской работы! — изменившимся голосом, в котором звучали слезы, но твердо решив не дать им воли, отозвалась Загляда. — Это же Тормод струг делал. Вон и змеюги его любимые на носу. На штевне! — поправились она.

— Вот! — Спех с гордым видом поднял палец, повернувшись к Ласке. — Мы не хуже тебя, и корабельщика знаем!

— Да оставь дитя в покое! — Загляда дернула его за рукав. — Нашел с кем тягаться. У нас на дворе тот корабель-

щик живет, потому мы его работу и знаем, — объяснила она девочке.

Ладья тем временем вышла на середину Волхова и направилась вверх по течению. Гребцов на ней находилось десятка два, на носу сидели три хорошо одетых светлородых человека в коротких плащах, застегнутых бронзовыми запонами на груди. Между скамьями громоздилась гора пухлых мешков, на кольца из ивовых прутьев были нанизаны сотни куньих и белых шкурок, в середине стояли бочки.

Вдруг на корме ладьи началось движение, куча мешков зашевелилась, и из-под нее выбрался человек. Рывком разъединив скрученные за спиной руки и отбросив остатки веревок, он попытался вскарабкаться на борт струга. Светлородые хозяева вскрикнули и вскочили на ноги, ближние к корме гребцы бросили весла и кинулись к нему. А тот отшвырнул мешавшие ему мешки, переметнулся через борт и прыгнул в воду. Но прыжок вышел неудачным: беглец ударился головой о неведомо откуда всплывшую корягу и с громким всплеском скрылся под водой.

Течение заворачивало нос варяжской ладьи, сносило ее снова вниз. Гребцы ухватились за весла и стали подгребать к берегу. Хозяева собрались на корме и вглядывались в воду, обмениваясь непонятными восклицаниями. На берегу тоже заметили происшествие. Путники и жители городища с разных сторон сбегались к воде. Загляда ахнула и вскочила, подалась ближе, тревожно сжимая руки и не сводя глаз с воды. Ласка рядом с ней подпрыгивала, словно так ей было лучше видно. Но поверхность воды уже успокоилась, ничего не удавалось разглядеть.

— Не выныривает, боже Перуне, ведь потонет! — обеспокоенно воскликнул Спех.

Скинув поршни, он вбежал в воду и поплыл к середине.

— Ой, мати Макоши, смилуйся, помоги! Волхов-батюшка, пожалей, отдай назад! — бормотала Загляда, с тревогой

наблюдая, как Спех быстро плывет к тому месту, где скрылся под водой беглец с варяжской ладьи.

Корягу тоже медленно сносило течением. Спех удачно избежал встречи с ней и нырнул. Через какое-то время он появился на поверхности, жадно вдохнул и снова исчез.казалось, что его не было очень долго. Рыбаки уже толкали в воду несколько челноков, кто-то греб к середине, выискивая в гладкой серо-голубой воде медленно текущего Волхова одну или другую светловолосую голову.

— Как бы тоже не потонул! — воскликнула Ласка, с горящими от любопытства глазами наблюдавшая за рекой. — Там Ящер живет огромный, заглотит он их обоих!

— Язык придержи — накличешь беду! — сурово прикрикнул на нее брат.

— Не потонет! — уверенно возразил Милута. — Спех в воде не тонет, в огне не горит — его судьба бережет.

И правда, вскоре Спех вынырнул снова и поплыл к берегу. Рядом с ним виднелась голова спасенного. Греб Спех одной рукой, а другой держал за волосы свою добычу.

Сбежавшиеся к берегу люди помогли им выбраться на песок. Бесчувственного беглеца пришлось нести на руках. Пока его пытались привести в чувство, Спех тяжело сел на мокрый песок и, потряхивая головой, стал отжимать волосы. Загляда подбежала к нему.

— Водяной меня за ноги хватал! — объявил Спех, едва отдышавшись настолько, что смог говорить. — Вишь, нырнул я, а там на дне водяной сидит, сам весь зеленый и в чешуе, глаза, как у щуки, и этого за шею держит. Я говорю — отдай, а он мне — нет, говорит, он мне будет на обед, а ты — на ужин...

— Да ты молодец, где водяному с тобой справиться! — воскликнула Загляда, привыкшая к тому, что Спех жить не может без баек и басен. — А его-то водяной не придушил?

— Да что же я, зря купался? — возмутился Спех. С недобольством оглядев запачканные песком и тиной рубаху и порты, он сплюнул и проворчал: — Хоть поршни уберег...

— Пойдем хоть глянем, как он там.

— Пойдем, — согласился Спех и встал. Вода текла с него ручьями. — Мне уж и самому любопытно, кого это я у водяного отобрал?

Они подошли туда, где в окружении гребцов и местных рыбаков лежал на земле беглец с варяжской ладьи. Могучий кормщик, брат Ласки, привычно опрокинул его животом себе на согнутое колено и выгонял воду, которой беглец успел наглотаться. Покончив с этим, он положил беглеца на землю. Встав на колени, мытник прижался ухом к его груди.

— Живой! — с удовлетворением объявил Прелеп и выпрямился. — Стучит!

— А чего он глаз-то не открывает? — спросила любопытная Ласка.

— Головой о корягу стукнулся. Кабы не ваш Кот Баюн, кормить бы ему рыб...

— А чего он прыгнул-то? — спросил кто-то.

— Где ладья-то?

— Беглый, что ли?..

Милута обернулся к реке. Варяжский струг подошел к берегу, люди на нем столпились у носа, пытаясь разглядеть, что происходит. Двое гребцов и один из хозяев, толстяк в коротком буром плаще, уже спрыгнули на песок.

— Ваш парень? — закричал им Милута.

— Это есть наш человек! — ответил ему варяг, выговаривая русские слова неправильно, но понятно. — Мы возьмем!

— А чего он прыгал-то? — спрашивали любопытные на берегу.

— А какой же он ваш, когда он чужин? — спросил мытник, еще раз оглядев спасенного. — Где вы его взяли-то?

Варяг остановился на мокром песке возле воды. Оставшийся на ладье товарищ окликнул его и сказал что-то, и между ними вспыхнул оживленный спор. Загляда хорошо понимала по-варяжски, но по долетавшим обрывкам не могла уловить смысл спора. А он продолжался недолго. Варяг запрыгнул обратно на борт, гребцы оттолкнули струг от берега, взобрались на него сами, и два десятка весел дружными ударами погнали ладью вверх по Волхову прочь от стоянки Гостиного Поля.

— Уходят, что ли? — удивлялись люди на берегу. — Передумали брать?

— Думают, совсем утоп, а хоронить лень.

— Да чего же, он ведь живой.

Спех пошел искать себе сухую рубаху, а Загляда пробралась поближе к беглецу. Это оказался молодой парень, на пару лет старше Спеха, высокий, худощавый, с потемневшими и слипшимися от речной воды волосами. Глаза его были закрыты, но тяжелые веки, выступающие скулы, мягкие черты продолговатого лица показывали, что в нем течет не славянская кровь. Одежду его составляли кожаные штаны и полотняная рубаха, украшенная по вороту, плечам и подолу тесьмой, хитро сплетенной из бронзовой проволоки. Боковые швы, не зашитые до конца, сразу обличали чуждую работу. Бронзовый же браслет стягивал левый рукав рубахи, а с правого, видно, потерялся. Ни плаща, ни пояса не имелось, ворот рубахи был надорван. На лбу парня под мокрыми прядями волос краснела свежая ссадина. На запястьях виднелись следы от тугих веревок, а на одной руке еще болталась петля с разлохмаченным концом, как видно, перетертым обо что-то железное.

— Чего же теперь делать? — озабоченно спросил Прелеп. — Ведь так не бросишь, а мне недосуг с ним нянчиться. Вот что, берите-ка вы его с собой, гости дорогие, — обратился он к Милуте. — Вы его выловили, он теперь ваш.

— Да куда мне его? — недоуменно воскликнул Милута. — И своих забот довольно!

— Батюшко, возьмем! — принялась упрашивать отца Загляда. — Довезем его до Ладogi, его ведь оттуда и везли. А после в себя придет да сам расскажет, откуда и кто. Не бросать же его здесь, пропадет!

— Вот еще печаль! Ведь он беглый! — принялся вразумлять ее отец. — Засудят нас еще за него!

— Как засудят-то? Мы его не украли, он сам выпрыгнул, а варяги отказались от него. Вон, люди видели! — Загляда показала на мытника. — Хозяева его видели, а не взяли, какая тут кража?!

— Да он не холоп, — добавил Прелеп. — Одежка на нем не холопья, сам видишь. Одна рубаха чего стоит! Да и не добром он на тот струг попал... Как из битвы!

— Видно, потому и не взяли назад, что забоялись варягито! — добавил кормщик. — Просто так от своего челядина не отказались бы, он ведь денег стоит!

Милута в сомнениях качал головой, но все эти доводы только укрепили решимость Загляды взять спасенного с собой. Наконец он вздохнул и сделал знак своим гребцам:

— Несите его на струг, что ли.

Загляда обрадовалась и бросилась устраивать чудину лешанку из сена, пустых мешков и шкур. Чудской беглец вызывал у нее сочувствие и любопытство: ей очень хотелось знать, что с ним случилось, как он попал на варяжский струг, почему был связан. С чудина стянули мокрую рубаху, уложили его поудобнее на дне ладьи. Загляда накрыла его плащом и села рядом, надеясь, что он скоро опомнится.

Тем временем пришла пора двигаться дальше. Последний переход до Ладogi был самым трудным — впереди лежали пороги. Под руководством кормщика наполовину нагруженные ладьи повели вниз, чтобы потом разгрузить у нижней

оконечности девятиверстных порогов и пустыми вести снова вверх за оставшимся товаром. Загляда со Спехом и Лаской спустилась вниз берегом и очень переживала за чудина.

— Как его там в ладье-то трясет! — приговаривала девушка, глядя на реку. — И без того ему худо...

— Больно уж ты об нем печешься! — ревниво буркнул Спех. — А я помру — никто и слова не скажет!

— Ты-то? — недоверчиво воскликнула Загляда. — Да нету такой реки, где бы ты утоп!

— Сие верно! — согласился Спех и опять повеселел. — Я его от смерти спас — я ему теперь второй отец!

Рассчитавшись с кормщиком, Милута отпустил его, и он пошел обратно в Порог. С ним ушла домой и Ласка.

— Еще, как поплывете, свидимся! — кричала она Загляде издаലെка и махала руками, пока было видно.

Товар снова погрузили на ладьи, Загляда заняла свое место на бочке, возле лежащего на днище чудина. Спеху, несмотря на все его подвиги, пришлось снова сесть за весло. Плывая по течению, две Милутины ладьи быстро приближались к Ладогге. Завидев наконец знакомые места, Загляда даже забыла о беглеце. Словно встретив родичей, радовалась она, глядя на кучки избушек Извоза — так звали выселки, служившие границей города. А дальше взору открывалось Победище с варяжской крепостью Княщиной, низменное пространство на левом берегу, тесно застроенное домами и домиками, известняковые стены Олегова города на мысу над слиянием Волхова и Ладожки, улицы посада вокруг нее. Сердце радостно билось, в душе поднималась теплая волна: само это место, где жили многие поколения ее предков, согревало Загляду, боги благосклонно взирали на нее с небес, чурь шептали из земли, куда в течение уже двух веков опускался прах ее дедов и прадедов. Широкий синий Волхов, отражавший синеву небес, зелень берегов, белизна облаков, будто отраженная стенами Олеговой крепости, — нет на све-

те места более прекрасного, и от щемящего сердце счастья на глазах девушки выступили слезы.

До дома Милута со своими спутниками добрался почти в темноте. Пока разгружали товар и разбирали снасти, Загляда вытребовала у отца волокушу и двух помощников, чтобы везти чудина, все еще лежавшего без чувств. Перетаскивая его с ладьи на волокушу, Спех уже вздыхал, чуть ли не жалея, что извлек со дна реки такое беспокойство. А Загляда торопила их, ей очень хотелось скорее оказаться дома.

На дворе Милуты навстречу ей выбежала челядь, старая ключница Зиманя, бывшая когда-то давно Заглядиной нянькой. Среди встречавших мелькала белая голова и борода Тормода, того самого варяжского корабельщика, о котором Загляда говорила Ласке.

— Саглейд! Моя Сильф Биркин! Береза Серебра! — радостно восклицал он по-русски и по-варяжски, чуть ли не силой вырывая девушку из объятий причитавшей Зимани, чтобы прижать ее к своей широкой груди и весьма выпирающему животу. — Ты вернулся уже! Я еще не начал ждать, а ты уже здесь!

От радости он даже немного путал славянские слова, мешал их с варяжскими, хотя за те двадцать лет, что прожил в Ладогe, научился словенскому языку не хуже здешних уроженцев. Только легкий иноязычный призыв в речи выдавал заморское происхождение Тормода Исбьерна — Белого Медведя, как его прозвали. Волосы его, когда-то светло-русые, были седые до последнего волоска, круглое лицо обрамляла такая же круглая и совершенно белая, хотя ему едва сравнялось пятьдесят пять лет, борода. Одеждой он не отличался от славян, и только на шее его висел на ремешке бронзовый молоточек — амулет Тора Громовика, а с ним на одном колечке — распиленный вдоль кабаньих клык с тремя процарапанными рунами. Загляда знала, что там написано «священное слово», приносящее удачу. Только эти два амулета и остались старому корабельщику на память о родине. «Самый большой дар

богов — вот! — приговаривал он, показывая свои широкие ладони. — Золото пропадет, меха изнаются, а это будет со мной всегда!» И он был прав, считая руки своим главным богатством. Во всей Ладогe едва ли нашeлся бы мастер среди славян или скандинавов, умеющий строить корабли лучше Тормода Исбьерна.

— Вернулась, вернулась, живая, здоровая! — скороговоркой восклицала Загляда, разом отвечая на приветствия старухи и корабельщика и смахивая слезы. Потеряв мать, она теперь с особенной остротой ощущала любовь к этим людям, которые тоже — ее семья. — Отец на вымоле еще, скоро будет! И товар привезли, и новости привезли!

— И гест... гость привезли тоже? — Тормод заметил волокушу с лежащим в ней незнакомым парнем. — Это твоя добыча, да? Ты взяла его в битве?

— Это Спех взял! С водяным бился...

Спех, снова загордившись своим подвигом, стал рассказывать, как попал к ним молодой чужин, а Загляда велела челяди нести его пока что в клеть и уложить там на широкую лавку.

— Я сам пришел сюда, когда был пожар, — заявил Тормод, с любопытством наблюдая, как устраивают нового гостя. — Я пришел в твой дом через огонь. А он пришел через воду. Также хорошая дорога! — со свойственной ему бодростью закончил варяг.

— Погоди. — Загляда остановила поток его речи, который, как ей было отлично известно, мог литься хоть до утра. — Он вроде в себя приходит.

Не открывая глаз, чужин морщился от боли, тихо постанывал и бормотал что-то на своем непонятном языке. Загляда пробовала позвать его, но он, видно, еще не опомнился.

— Язык ожил, — заметил Тормод, слушавший бормотание чужина, озабоченно склонив голову. — А память еще ходит далеко.

Літературно-художнє видання
Серія «Кохання крізь століття»

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета
Наречена вікінга
(російською мовою)
Роман

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 22.04.2020. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 26,04.
Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание
Серия «Любовь сквозь века»

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета
Невеста викинга
Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 22.04.2020. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 26,04.
Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Х століття, Давня Русь. Юна ладожанка Загляда могла б суперничати красою із самою богинею весни Лелею. І, щоб одружитися з нею, бідний вікінг Снеульв має кинути до її ніг не тільки своє хоробре серце, але й багату здобич. Однак долі заваглося, щоб Загляда сама стала воєнним трофеєм: на Ладоду напали вороги. Невже в лавах загарбників її обранець?

Дворецкая Е.

Д24 Невеста викинга : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 496 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-7943-8

Х век, Древняя Русь. Юная ладожанка Загляда могла бы соперничать красотой с самой богиней весны Лелей. И, чтобы жениться на ней, бедный викинг Снеульв должен бросить к ее ногам не только свое отважное сердце, но и богатую добычу. Однако судьбе было угодно, чтобы Загляда сама стала военным трофеєм: на Ладоду напали враги. Неужели в числе захватчиков ее избранник?

УДК 821.161.1